

Рúсла

Как тó водится у рек горных, гордых, по отрогам струила Вишера путём не прямым – норовистым, меж волею и вольницей не разбирая. Петляла, кружила, вязи плела.

Змеилась по склонам-угорьям, щедрым на зелень, скользила меж голокаменных гребней с чудными остáнцами, ныряла в ущелья, скользила террасами вниз: к трóгам-долинам, к малорослым увалам. Озоруя, влекла валуны от скал-крепостей да башен-утёсов, да живые камни с курúмов. Громоздила теми камнями пороги – тулúмы, на них же и тешила норов.

А из горных сбежав теснин на просторы, уже степенней катила.

По тайгам да урмáнам, лесам-разнолесьям, непролазным урёмам да спутанным ёрникам. По подолам-полям да поёмным лугам, пáдям и плáвням да топям-трясинам, которым сама и была причиной. И не только вдоль тока, но и там, откуда ушла, где лишь чуть оставались бывшие русла – гогúлями стáриц, или таились таёжные чёрные топи – под коварными мхами да ягодной цветью.

И много куда приходила река, ища-обретая себя сквозь Росские Ёми, и много откуда она уходила.

Кто ж кинет камень в своевольную Вишеру,
коря за пути непрямые да за русла брошенные?

А кто и кинет каменюкою в реку назидающе,
что с того, кроме самому осрамиться?

Разве забылась уже, упразднилась заповедь
стародавняя зверомирская:

«... рыщи да обрящешь!..»?

А и сам Зверомир –
не таким же ли бурным потоком ищет-рыщет:
по временам, по просторам,
являя слепую да ярую волю?

Да разве ж слепую!?

Слепой её понимает лишь тот, кто сам и незряч,
кто не видит, не ведает правды потока.

Или злее того: не хочет признать, лютует, зловердит
той правде, которая ищет себя, пролагает сквозь
Ёми – эпох и пространств, собирая народы, роды
огромной страны в слитную силу. То истово, прямо,
то отступая, петляя, вязи плетя. Бросая напрасные
русла-пути: тщетные, баламутные, мутные... то
забывая и верные стрежни... И всё-таки – курсом,
что отцы заповедали. Отцам же – дедами наказано,
отцами отцов, и предками славными – от самых
старин зверомирских, с истоков, что ныне в забвеньё
сокрыты под непрестанные снега...

Но сколько же тех, кто торчит рожном да рогúлями
по недвижным берегам и заводям тинистым, жижным!
Сколько ж их, окаянных! – назидателей, злобников,
готовых камнями швыряться в прошлые воды, в отчую
реку, в роды и народы своя, – кормясь от той же реки и
не совестясь!